

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опубликованные тезисы докладов участников III Плехановских Чтений представляют несомненный научный интерес. В них поднимаются либо ранее не изучавшиеся либо недостаточно изученные вопросы общественной мысли и общественного движения. Многие из них вышли далеко за рамки заявленной тематики и заданной хронологии - "Роль и место группы "Освобождение труда" в истории российской и международной социал-демократии (1883 - 1903 гг.)". Организуя I Плехановские Чтения, Дом Плеханова стремился, прежде всего, к привлечению специалистов, работающих в различных областях социальных наук, с тем, чтобы исследуемые события и явления были представлены многомерно, в их причинно-следственных отношениях, не "выпадая" из общего процесса исторического развития.

Все работы в представленном сборнике могут быть отнесены тематически к трем группам:

- историографические и источниковедческие;
- конкретно-исторические;
- доклады по вопросам методологии и теории.

Тезисы различны по форме, отличаются по содержащимся в них оценкам и выводам, что предполагает возможность дискуссии (а именно на нее и рассчитаны Чтения).

Вместе с тем, представленные работы выявили ряд вопросов, которые могли бы в ближайшем будущем стать предметами или направлениями исследований.

Одним из них, вероятно, будет вопрос об уточнении понятийно-категориального аппарата. Следует отметить, что мы достаточно вольно, а потому не всегда корректно, пользуемся научными терминами. Так, вряд ли кто-либо станет отрицать необходимость временного уточнения такого понятия как ревизионизм. Необходимо также разделить понятия закона, теории, тенденции. Невозможно употребление таких терминов как марксова теория, марксова доктрина, марксовская схема в качестве синонимов. Существенные значения всех названных определений не совпадают. Исследования, в которых значения трех последних терминов тождественны, существуют и, вероятно, появятся еще,

но их авторам следует в таком случае хотя бы дать их определение.

Марксизм как никакая другая научная теория и метод пострадал в этом плане. Резкое изменение политической конъюнктуры позволяет доказывать ложность, утопичность, реакционность данной теории, пользуясь смещением понятий.

С решением этой задачи во многом будет связан вопрос нового прочтения наследия общественных деятелей, которых мы привычно называли учениками и последователями Маркса.

Одной из таких фигур является Г.В. Плеханов, личность и деятельность которого стала объектом исследовательского интереса во многих из представленных докладов.

Не претендуя ни на исчерываемость суждений, ни на их истинность, хотелось бы высказать ряд положений, на которые следует обратить внимание при дальнейшем изучении его жизни и деятельности.

Плеханов никогда не рассматривал марксизм в качестве доктрины, видя в нем теорию, в основе которой лежит признание объективности смены социально-экономических формаций. Он неоднократно подчеркивал, что Маркс и Энгельс правильно определили направление развития человеческой цивилизации. Прочеты Маркса в определении некоторых тенденций этого развития (например, о постоянном усилении эксплуатации рабочего класса в условиях капитализма, о его относительном и абсолютном обнищании) и в ряде выводов социального характера (о скорой победе социалистических революций в передовых капиталистических странах) определялись тем, что К. Маркс в своем анализе капиталистического способа производства ориентировался на закономерности и характеристики, присущие ему в первой половине 19 в. Экстраполицию результатов исследований, проведенных Марксом, абсолютизацию сделанных им выводов без каких-либо изменений в новых исторических условиях, когда капитализм претерпел столь существенные изменения, и отвергал Плеханов. Именно такой диалектический подход к осмыслению марксизма позволил Энгельсу в разговоре с В.И. Васулич отметить, что он знает только двух человек — Плеханова и Мерины, — которые поняли и овладели теорией Маркса и его методом. В этой оценке обращает на себя внимание определение Энгельсом марксизма —

теория и метод. В их защите и проявил свою "ортодоксальность" Плеханов. Сказать о том, что этому он посвятил всю свою жизнь тоже означало бы и абсолютизацию этой стороны деятельности Георгия Валентиновича, и обеднение ее сущности. Плеханов, называя себя литератором, неоднократно подчеркивал, что работает на поприще просвещения.

Анализируя полемические работы Плеханова, оценивая "истинность" его заключений и выводов, сделанных в конкретных работах по конкретным вопросам и поводам, необходимо соблюдать, на мой взгляд, по крайней мере, два неперемных условия:

1. Плеханов считал, что могут существовать периоды, когда критика тех или иных событий, явлений, теоретических воззрений, последствия которой в данных условиях не могут принести конкретных положительных результатов, необходимых уже сегодня, либо эти последствия способны сказаться неожиданными или незапланированными, не только неуместна, но наносит колоссальный вред. Лишь несколько примеров.

В Предисловии к пятому изданию книги "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Плеханов, рассуждая о борьбе народников и марксистов, пишет о том, что борьба за какое-либо понятие остается святым делом только до тех пор, пока она не утратила своего значения:

"Вопрос о том, должна ли Россия вступить на путь капитализма, решен самой историей... А если это так, то спорить об этом вопросе — бесполезно, как толочь воду в ступе. Теперь место этого великого, но уже решенного историей общественного вопроса, будут занимать другие, не менее важные, но еще не решенные вопросы, из-за которых будут происходить новые боевые схватки и в которых будут возникать новые группировки общественных сил. Давлеет дневи злоба его" (Группа "Освобождение труда". Сб. 5. С. 7).

Другой пример. Не только в современной отечественной, но и в зарубежной литературе, появившейся вскоре после Октябрьской революции, анализировался вопрос о "несостоявшемся меньш вистском" и "состоявшемся большевистском" вариантах развития истории России. В 1917г. Плеханов писал о том, что нравственная, гражданская и политическая слепота представителей этих двух течений (да и значительной части населения страны в

целом), их групповое нежелание и неумение договориться привели к Октябрю, к Гражданской войне и всей последующей истории нашего Отечества, которую сверхрадикальные политики и исследователи именуют не иначе как "черной дырой", а сверхконсерваторы - если и не раем, то чем-то очень близко напоминающим его. Становится понятным, отчего так часто в работах 1914 - 1917 гг. задавал Плеханов - для многих лишь риторический - библейский вопрос "Человек для Субботы, или Суббота для Человека?"

2. Вторым неизменным условием является учет в ее совокупности источников, вышедших из-под пера самого Плеханова. В историографии существует достаточно распространенное положение о том, что Плеханов "громил", "резко полемизировал", "отмежевывался" и так далее от идейных оппонентов. Разница состоит лишь в том, что часть исследователей ставит это в заслугу Плеханову, часть - в вину. Разумеется, данная констатация не носит абсолютного характера.

Возьмем в качестве примера полемику Плеханова с Бернштейном. Не углубляясь в детали ее, не стараясь оценить того, что осталось "на поверхности", т. е. в опубликованных работах, хотелось бы обратить внимание исследователей на источники, в полной мере еще не вошедшие в научный оборот. Имеются в виду плехановские тетради и многочисленные пометки на прочитанных им книгах.

В библиотеке Плеханова хранится несколько книг Бернштейна. Одна из них, изданная в Лондоне в 1900 г., - работа "Условия возможности социализма и задачи социал-демократии" (к этому времени их полемика уже стала фактом), содержит ряд плехановских помет. Они разнятся по характеру: здесь есть констатирующие пометки, сравнительные, нацеливающие на внимание и т. д. Последняя словесная пометка находится на с. 194, содержащей анализ Бернштейном ближайших задач социал-демократии: "... социал-демократия не может предъявлять требования, которые при данных хозяйственных отношениях и существующем соотношении сил, вели бы скорее к укреплению существующих отношений собственности и господства, нежели к их расстройству, на том лишь основании, что при других условиях, на более высокой ступени развития данные мероприятия могли бы сделаться рычагом к социалистическому перевороту". На полях - замечание Плеханова: "Это

так." Примеров, подобных этому, разбросано множество на книгах его личной библиотеки. Значит ли, что такие источники могут в корне изменить уже устоявшиеся в научной литературе суждения? В некоторых случаях, вероятно. Бесспорно одно: это поможет понять самого Плеханова, даст возможность определить направление, в котором он эволюционировал, увидеть достигнутый им уровень осмысления истории развития человеческого сообщества, предостережет как от абсолютизации взглядов Плеханова, так и от их недооценки.

Есть еще один вопрос, который в той или иной степени затрагивается в ряде представленных тезисов. Вопрос о социализме и его перспективах в России. Не исчезла актуальность его изучения и теперь, когда, стремясь в "капиталистический рай", общество пытаются убедить в том, что социализм — лишь утопия, не совместимая с демократией.

Насколько можно судить по опубликованным и неопубликованным источникам (речь идет об отдельных набросках, замечаниях на полях изданий, в тетрадях, высказываниях в письмах и т.д.), написанных Георгием Валентиновичем, он считал, что в основе развития человеческой цивилизации лежит смена социальных формаций. Не отрицая выдвинутого Марксом положения о борьбе классов, Плеханов в работах 1914 — 1918 гг., предупреждая о невозможности абсолютизации экономических и политических факторов, выдвигает идею о том, что стержнем всего общественного устройства является культура. Таким образом, не экономические и политические изменения, абсолютизированные "практиками" революционного движения (в 1917 г. Плеханов назвал их "марксистами") до уровня самоцели, а культура, понимаемая им как совокупность норм, ценностей, идеалов, определяет ход развития истории.

Вероятно, можно выделить два главных события, во многом определивших деятельность Плеханова как ученого и общественного деятеля в последние 10 лет его жизни: работа над "Историей русской общественной мысли" и I мировая война.

Плехановское положение о том, что в своей политике рабочий класс должен руководствоваться законами нравственности и права, вызвало шквал критики как справа, так и слева (достаточно

упомануть имена Мартова и Ленина). Между тем, исследуя историю России в качестве первого социолога-марксиста, Плеханов еще раз подтвердил теорию Маркса о смене формаций, доказал, что, несмотря на всю самобытность России, присущую ей как всякой другой стране, ее развитие шло в русле всемирной истории. Он показал связь экономики, политики и культуры. В этом триединстве, как становится очевидным из рассуждений Плеханова, все большее значение, по мере усложнения этапов развития человечества, приобретает то, что впоследствии стало именоваться надстройкой. Осознание синхронности в развитии исторических процессов, особой роли в них культуры, привело Плеханова к мысли о том, что социализм является новой формацией, которая зреет в недрах капитализма, являясь результатом сложных социокультурных изменений, характеризующихся социалистической направленностью.

Именно поэтому в 1917 г. Плеханов неустанно повторял, что не всякая политическая революция продвинет общество по пути прогресса, ибо насильственный захват власти свидетельствует о социальной незрелости общества. Навязанная массам как "социалистическая", такая революция приведет к результатам, обратным желаемым. Именно поэтому для Плеханова и не стоял вопрос о "современности" или "несовременности" социалистической революции.

"История...", к сожалению, осталась незавершенной. Один из критиков Плеханова писал, что, будь этот труд закончен, он стал бы апофеозом русской интеллигенции. Такое понимание истории потребовало от Плеханова иного философского осмысления феномена буржуазных и социалистических (Плеханов называл их социальными) революций, роли пролетариата во всемирно-историческом развитии как "освободителя по преимуществу", класса, вокруг которого сплачивается все наиболее передовое и прогрессивное в лице других классов и социальных групп для решения общенациональных (обязательно гуманистических) задач. Пролетариат, таким образом, растворялся в них, поднимаясь до уровня интеллигенции, а не низводя ее до своего.

Если согласиться с мнением Плеханова о присритете культуры в историческом развитии, становится очевидным, что

различные политические течения являются отражением уровня философского осмысления общих для всех исторических процессов. Вряд ли поэтому можно категорически противопоставлять марксизм ленинизму. Эволюционировал марксизм (в изложении Маркса), эволюционировал и ленинизм (марксизм в понимании Ленина). Было бы неверно ставить знак равенства между тем, как понимал Владимир Ильич социализм в 1917 г. и в 1921 - 1923 гг.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенный участниками Чтений спектр тем, оригинальность в их разрешении помогли определить тематику IV Плехановских Чтений, которые состоятся 30 - 31 мая 1996 г.: "Историко-философские проблемы социальных наук на рубеже тысячелетий: вторая половина XIX - конец XX столетия".

Т.И. Филимонова,
заведующая сектором
Дом Плеханова ОР РНБ,
кандидат ист. наук.